Аномия, по Мертону, сопровождается размыванием культурных ценностей, что позволило Мертону определить аномию как «культурный хаос».

Создается впечатление, что в работе «Социальная структура и аномия» дается описание российского общества конца XX – начала XXI вв. Поэтому мы сочли важным и актуальным для осмысления современного состояния российского общества поместить в журнале некоторые фрагменты данной работы Р. Мертона, которые, несомненно, вызовут интерес у наших читателей.

© Жовтун Д.Т., 2010

Р. К. Мертон

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И АНОМИЯ[1]

В социологической теории существует заметная и настойчивая тенденция относить неудовлетворительное функционирование социальной структуры в первую очередь на счет присущих человеку повелительных биологических влечений, которые недостаточно сдерживаются социальным контролем. С этой точки зрения социальный порядок — всего лишь инструмент для «регулирования импульсивных действий», «социальной переработки» напряжений. Следует отметить, что эти импульсивные действия, прорывающиеся сквозь социальный контроль, рассматриваются в качестве проявления биологически обусловленных влечений. Предполагается, что стремление к неподчинению коренится в самой природе человека [1]. Подчинение, таким образом, представляет собой результат либо практического расчета, либо механического кондиционирования. Эта точка зрения, не говоря уже о ее прочих недостатках, явно не дает ответа на один вопрос. Она не дает основы для определения тех условий небиологического характера, которые стимулируют отклонения от предписанного типа поведения. В настоящей работе мы исходим из предположения, что определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникающую ситуацию [2]. /299/

Принципиальная схема, которую следует разработать, должна обеспечить последовательный систематический подход к изучению социально-

[1] Печатается по: *Мертон, Р.* Социальная структура и аномия / Социология преступности (Современные буржуазные теории) / перев. с франц. Е.А.Самарской: ред. перевода М.Н. Грецкий. − М.: Издательство «Прогресс», 1966. − С. 299−313.

культурных источников отклоняющегося от нормы поведения. Мы намерены в первую очередь показать, как некоторые социальные структуры оказывают определенное давление на отдельных членов общества, толкая их скорее на путь неподчинения, чем на путь поведения, сообразующегося с общепринятыми правилами. Многие вопросы, связанные с этой схемой, мы не сможем обсудить; нередко нам придется ограничиваться простым упоминанием проблем без подробного их анализа.

Среди элементов социальной и культурной структуры особую важность для нас имеют два элемента. Аналитически они разделимы, хотя в конкретных ситуациях они нераздельно переплетаются. Первый элемент состоит из целей, намерений и интересов, определяемых данной культурой. Они составляют сферу устремлений. Указанные цели более или менее интегрированы и включают в себя различные степени престижа и эмоций. Они составляют основной, но не единственный компонент того, что Линтон удачно назвал «схемой группового существования». Некоторые из этих определяемых культурой устремлений имеют отношение к первичным влечениям человека, однако они не определяются ими. Вторая фаза социальной структуры определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения этих целей. Каждая социальная группа обязательно сочетает свою шкалу желаемых целей с моральным или институционным[3] регулированием допустимых и требуемых способов достижения этих целей. Этого рода регулятивные нормы и моральные императивы не обязательно совпадают с нормами, определяющими техническую целесообразность или эффективность этих способов. Многие способы, которые отдельным лицам представляются наиболее эффективными для достижения желаемых ценностей, также как незаконные операции с акциями нефтяных компаний, кража, мошенничество, исключены из институционной сферы дозволенного поведения. Выбор подходящих средств ограничен институционными нормами.

Когда мы говорим, что эти два элемента – определяемые культурой цели и институционные нормы действуют совместно, мы не подразумеваем при этом, что соотношение между альтернативными способами поведения и целями является неизменно постоянным. Значимость определенных целей может изменяться независимо от степени значимости институционных средств. Могут иметь место случаи непропорционального, иногда по существу исключительного подчеркивания ценности определенных целей в сочетании со сравнительно малой озабоченностью относительно институционно одобряемых средств их достижения. Своего крайнего выражения подобная /300/ ситуация достигает в том случае, когда выбор альтернативных способов ограничивается только техническими, а не институционными соображениями. В такого рода гипотетическом полярном случае были бы разрешены все и любые средства спо-

собные обеспечить достижение исключительно важных целей [4]. Таков один тип несогласованности элементов культуры. Второй полярный случай обнаруживается в тех группах, где деятельность, первоначально задуманная в качестве средства достижения цели, становится самоцелью. В таких группах первоначальные цели забыты и ритуалистическая приверженность к институционно предписанному поведению принимает характер подлинной одержимости [5]. Принимаются широкие меры к обеспечению стабильности, в то время как к переменам относятся с пренебрежением. Выбор альтернативных способов поведения строго ограничивается. Развивается связанное традициями священное общество, характеризующееся неофобией [6]. Служебный психоз бюрократа может служить здесь примером. Наконец, имеются группы промежуточного типа, в которых существует равновесие между целями, определенными культурой, и институционными средствами. Эти группы характеризуются значительной интеграцией и относительной стабильностью, не препятствующей переменам.

Эффективное равновесие между двумя указанными фазами социальной структуры достигается до тех пор, пока лица, подчиняющиеся ограничениям обоего рода, получают удовлетворение; /301/ речь идет об удовлетворении от достижения определенных целей и об удовлетворении, непосредственно проистекающем от использования институционно одобряемых способов достижения этих целей. Успех в подобных уравновешенных случаях складывается из двух моментов. Успех здесь оценивается в терминах результата и в терминах процесса, в терминах конечного выхода и в терминах деятельности. Постоянное удовлетворение должно проистекать из самого по себе участия в конкурентном порядке и из опережения конкурента, поскольку сохраняется конкурентный порядок. Случайные жертвы, сопряженные с институционализированным поведением, должны компенсироваться социально апробированным вознаграждением. Распределение статусов и ролей посредством соревнования должно быть организовано таким образом, чтобы для любой позиции в рамках установленного распределением порядка существовал положительный фактор, стимулирующий соответствие каждого своей роли и выполнение обязательств, связанных со статусом. Поэтому отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения.

Из типов групп, формирующихся в результате независимых изменений в соотношении двух фаз социальной структуры, нас интересуют главным образом группы первого типа, именно те, в которых непропорционально большое ударение ставится на целях. Это положение следует переформулировать в надлежащей перспективе. Нет таких групп, в которых отсутствовали бы кодексы, регулирующие поведение, однако существуют различия

в степени, в которой обыкновения, нравы и институционный контроль эффективно сочетаются с менее отчетливо определенными целями, составляющими часть культурной основы общества. Эмоциональные убеждения могут группироваться вокруг комплекса признанных обществом целей, лишая одновременно своей поддержки определенные данной культурой средства их достижения. Как мы увидим далее, определенные аспекты социальной структуры могут породить противоправное и антисоциальное поведение именно вследствие различия в значении, придаваемом целям и нормам, регулирующим их достижение. В крайних случаях эти последние могут быть настолько подорваны чрезмерным акцентом на целях, что выбор способов поведения будет ограничиваться только соображениями технической целесообразности. Вследствие этого единственным вопросом, имеющим значение, становится вопрос о том, насколько эффективны наличные средства овладения социально апробированными ценностями[7]. Способ, наиболее практичный с технической /302/ точки зрения, независимо от того, законен он или нет, получает предпочтение перед институционно предписанным поведением. Но мере развития этого процесса интеграция общества ослабевает и развивается аномия.

<…>

Процесс, имеющий своим результатом преувеличение значения цели, порождающий подлинную деморализацию, то есть деинституционализацию /303/ средств, присущ многим группам[9], в которых отсутствует достаточно высокая степень интеграции этих двух фаз социальной структуры. Чрезвычайное значение, придаваемое в нашем обществе накоплению богатства в качестве символа успеха[10], препятствует установлению полностью эффективного контроля над использованием институционно урегулированных способов приобретения состояния[11]. Обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств становится все более обычным, когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой цели достижения успеха расходится с координированным институционным значением средств. Это положение имеет решающее теоретическое значение при анализе доктрины, согласно которой антисоциальное поведение чаще всего проистекает от биологических влечений, прорывающихся сквозь ограничения, налагаемые на человека обществом. Разница между этими двумя концепциями – это разница между узко утилитарным истолкованием, считающим, что человек ставит перед собою случайные цели, и анализом, обнаруживающим, что эти цели обусловлены характером основных ценностей данной культуры[12].

<…>

Предметом нашего внимания в данном случае является незаконное приспособление. Оно сопряжено с использованием, по общему признанию, запрещенных, но часто эффективных средств достижения по меньшей мере

видимости определяемого культурой успеха — богатства, власти и тому подобного. Как мы уже видели, такого рода приспособление встречается в случае, когда лицо восприняло определяемый культурой акцент на цели достижения успеха, без того чтобы в равной мере усвоить предписываемые моралью нормы, руководящие выбором средств достижения этого успеха, В связи с этим встает вопрос: какие фазы нашей социальной культуры предрасполагают /307/ лицо к подобному способу приспособления? Мы можем исследовать конкретный пример, плодотворно проанализированный Ломаном[17]; в нем содержится ключ к решению этого вопроса. Ломан показал, что специализированная зона порока[18] в северном предмостье Чикаго представляет собой, «нормальную» реакцию на ситуацию, в которой усвоен определяемый культурой акцент на достижении денежного успеха, но очень мала возможность использовать для достижения этого успеха общепризнанные и узаконенные средства. Для лиц, проживающих в этой зоне, возможность выбора занятий почти полностью ограничена областью физического труда. Если учесть то презрение, с каким в системе нашей культуры относятся к физическому труду, и его коррелят – престиж интеллигентного труда, станет ясно, что результатом такой ситуации является стремление к инновации. Ограничение возможностей областью неквалифицированного труда и связанный с этим низкий доход не могут конкурировать в терминах общепризнанных стандартов достижения успеха с высоким доходом, связанным с эксплуатацией организованного порока.

В этой ситуации имеются два важных момента.

Во-первых, такое антисоциальное поведение в известном смысле «вызывается к жизни» некоторыми общепризнанными ценностями культуры и классовой структурой, сопряженной с различным доступом к возможностям законного, придающего престиж достижения обусловленных культурой целей. Отсутствие высокой степени интеграции между средствами и целями, как элементами культуры, и данная классовая структура, взятые вместе, способствуют более частым проявлениям антисоциального поведения в таких группах. Не меньшее значение имеет и второе положение. Обращение к первой из возможных реакций, а именно к использованию законных усилий, ограничено тем фактом, что реальное продвижение в сторону достижения символов успеха по общепризнанным каналам является вопреки отстаиваемой нами идеологии открытых классов[19], относительно /308/ редким и затруднительным для тех, кому мешает недостаточное формальное образование и скудные экономические ресурсы. Доминирующее влияние существующих и группе стандартов успеха приводит, вследствие этого, к постепенному вытеснению законных, однако сплошь да рядом неэффективных попыток его достижения и ко все большему использованию незаконных, но более или менее эффективных средств аморального и преступного характера. Требования культуры, предъявляемые

к лицу в подобном случае, несовместимы между собой. С одной стороны, от него требуют, чтобы оно ориентировало свое поведение в направлении накопления богатства; с другой — ему почти не дают возможности сделать это институционным способом. Результатом такой структурной непоследовательности является сформирование психопатической личности и (или) антисоциальное поведение, и (или) революционная деятельность. Равновесие между определяемыми культурой средствами и целями становится весьма неустойчивым по мере того, как усиливается акцент на достижении имеющих значение для престижа целей любыми средствами. В этом контексте Каноне воплощает триумф безнравственного интеллекта над предписанным нормами морали «банкротством», когда каналы вертикальной мобильности закрыты или сужены[20] в обществе, которое высоко оценивает экономическое процветание и социальное продвижение для всех своих членов[21]. /309/

Это последнее положение имеет первостепенную важность. Из него вытекает, что если мы хотим понять социальные причины антисоциального поведения, то наряду с особым акцентом на денежном успехе, следует учитывать и другие фазы социальной структуры. Многие случаи поведения, отклоняющегося от нормы, порождаются не просто «отсутствием возможностей» или преувеличенным подчеркиванием значения денежного успеха. Сравнительная жесткость классовой структуры, феодальный или кастовый порядок могут ограничивать возможности подобного рода далеко за пределами того, что имеет место в американском обществе сегодня. Антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения. Иными словами, наша идеология равенства по сути дела опровергается существованием групп и индивидуумов, не участвующих в конкуренции для достижения денежного успеха. Одни и те же символы успеха рассматриваются в качестве желательных для всех. Считается, что эти цели перекрывают классовые различия, не ограничены ими, однако в действительности социальная организация обусловливает существование классовых различий в степени доступности этих общих для всех символов успеха. Неудачи и подавленные устремления ведут к поискам путей для бегства из культурно обусловленной невыносимой ситуации; либо желания, не получившие удовлетворения, могут найти выражение в незаконных попытках овладеть доминирующими ценностями[22]. Характерное для Америки придание чрезвычайного значения денежному успеху и культивирование честолюбия у всех приводят таким образом к возникновению преувеличенных тревог, враждебности, неврозов и антисоциального поведения.

Этот теоретический анализ можно распространить на объяснение меняющихся соотношений между преступностью и бедностью[23]. /310/ Бедность не представляет собой изолированной переменной. Она включена в комплекс взаимозависимых переменных социального и культурного характера. Рассматриваемая в таком контексте, бедность представляется в совершенно ином аспекте. Бедность как таковая и сопутствующее ей ограничение возможностей сами по себе недостаточны для того, чтобы обусловить заметное повышение коэффициента преступного поведения. Даже часто упоминаемая «бедность среди изобилия» не ведет с необходимостью к такому результату. Только в той мере, в какой нищета и соединенные с ней невзгоды в конкурентной борьбе за овладение ценностями, одобренными культурой для всех членов данного общества, связаны с восприятием обусловленного культурой акцента на значении денежного накопления как символа успеха, антисоциальное поведение представляет собой «нормальный» исход. Так, бедность в гораздо меньшей степени связана с преступностью в юго-восточной Европе, чем в Соединенных Штатах. Возможности вертикальной мобильности в этих зонах Европы, по-видимому, ниже, чем в нашей стране, так что ни бедность сама по себе, ни ее сочетание с ограниченностью возможностей не достаточны для объяснения различий в корреляциях. Только в том случае, если мы будем рассматривать всю конфигурацию, образуемую бедностью и ограниченностью возможностей, а также общую для всех систему символов успеха, мы сможем объяснить, почему корреляция между бедностью и преступностью в нашем обществе выше, чем в других обществах, в которых жесткая классовая структура сочетается с различными для каждого класса символами продвижения.

Таким образом, в обществах, подобных нашему, давление, оказываемое стремлением к успеху, связанному с завоеванием престижа, приводит к устранению эффективных социальных ограничений в выборе мер, применяемых для достижения этой цели. Доктрина «цель оправдывает средства» становится ведущим принципом деятельности в случае, когда структура культуры излишне превозносит цель, а социальная организация излишне ограничивает возможный доступ к апробированным средствам ее достижения. Другими словами, положение такого рода и связанное с ним поведение отражает недостаточность координации, существующей в системе культуры. Результаты недостаточной интеграции в этой области очевидны в сфере международных отношений. Акцент на национальном могуществе не сочетается должным образом с неудовлетворительной организацией законных, то есть определенных и принятых в международном масштабе средств достижения этой /311/ цели. Результатом этого является тенденция к аннулированию международного права; договоры становятся лоскутом бумаги, «необъявленная война» служит технической уловкой, бомбардировка гражданского населения получает рациональное

обоснование[24] совершенно так же, как в подобной же ситуации в обществе расширяется применение незаконных средств во взаимоотношениях между отдельными лицами.

Описанный нами социальный порядок с неизбежностью порождает это «стремление к распаду». Давление, оказываемое этим порядком, действует в направлении опережения конкурентов. Выбор средств в пределах институционного контроля продолжает существовать до тех пор, пока эмоции, поддерживающие систему конкуренции, то есть проистекающие из сознания возможности опередить своего конкурента и тем самым вызвать благоприятную реакцию со стороны других, распространяются на все области человеческой деятельности, а не сосредоточены исключительно на достижении конечного результата. Для поддержания стабильности социальной структуры необходимо равномерное распределение эмоций в отношении составляющих ее частей. Когда происходит сдвиг от удовлетворения самим процессом соревнования в сторону озабоченности почти исключительно успехом в этом соревновании, возникает напряжение, ведущее к выходу из строя регулирующей структуры[25]. Вместе с умалением в результате этого роли институционных императивов возникает ситуация, похожая на ту, которую утилитаристы ошибочно считают типичной для общества в целом, когда расчет на ожидаемую выгоду и страх перед наказанием являются единственными результатами. В такого рода ситуации, как заметил Гоббс[26], насилие и обман становятся единственными добродетелями ввиду их относительной эффективности для достижения целей, которые для него, конечно, не проистекали из системы культуры.

Следует иметь в виду, что преподанные выше соображения изложены не в плане морализации. Каковы бы ни были чувства автора или читателя в отношении этической желательности координации целей и средств, как фаз социальной структуры, следует согласиться с тем, что недостаточность такой координации ведет к аномии. Поскольку одной из наиболее общих функций социальной организации является создание основы для прогнозируемого и регулируемого поведения людей, эффективность этой функции все более ограничивается по мере того, как разъединяются указанные элементы /312/ социальной структуры. В крайних случаях прогнозируемость полностью исчезает и наступает то, что с полным основанием можно назвать культурным хаосом или аномией.

<…>

Примечания

1. *Jones, E.* Social Aspects of Psyhoanalysis. − 28. − London, 1924. Если теория Фрейда представляет собой вариант концепции «первородного гре-

ха», то истолкование, даваемое в данной работе, может быть названо доктриной «социально порожденного греха».

2. «Нормальный» в том смысле, что этот ответ соответствует основной характеристике данной культуры, даже если он не одобряется ею. Этим не отвергается значение биологических и индивидуальных различий, которые могут играть важную роль при распределении проявлений поведения, отклоняющегося от нормы. Однако наше внимание сосредоточено на социальной и культурной основе такого поведения; поэтому мы абстрагируемся от прочих факторов. Я полагаю, что именно в этом смысле Джеймс С. Плант говорит о «нормальной реакции нормальных людей на ненормальные условия» / *Plant, D.S.* Personality and the Cultural Pattern, New-York, 1937. − P. 248.

3. От *institution* – установление. Отсюда институционный, институционализированный и т. д. – входящий, включенный в систему установлений. – *Прим. ред*.

4. Было высказано мнение, что современная американская культура имеет тенденцию развития в этом направлении / *Siegfried, A.* America Comes of Age. − New-York, 1927. − P. 26−37. Предполагаемое исключительное (?) значение, придаваемое достижению денежного успеха и материального благополучия, имеет своим результатом преимущественный интерес к технологическим и социальным средствам, предназначенным для достижения желаемого, в то время как институционные способы контроля приобретают второстепенное значение. В такого рода ситуации создаются все новые средства, поскольку выбор средств, применяемых для достижения цели, расширяется. Следовательно, в известном смысле, здесь происходит парадоксальное явление: «идеалистическая» ориентация порождает «материалистов». Ср. с проведенным Дюркгеймом анализом условий культуры, ориентирующих на преступления и нововведения, причем в том и другом случаях ради достижения эффективности, а не ради соблюдения норм морали. Дюркгейм был первым из тех, кто заметил, что «вопреки распространенному представлению, преступник не относится к числу решительно асоциальных, паразитических элементов, не является инородным, не поддающимся ассимиляции телом, введенным в общественный организм; он представляет собой обычный элемент социальной жизни» / Les Regies de la Methode Sociologique». − Paris, 1927. − P. 86−89.

5. Ритуализм такого рода может соединяться с мифологией, рационализирующей эти действия таким образом, что они по видимости сохраняют свой статус средства, однако главные усилия предпринимаются в направлении строгого подчинения ритуалу, независимо от такой рационализации. В этом смысле ритуал особенно охраняется в случае, когда такая рационализация совсем не имеет места.

6. Боязнь новизны. – *Прим. перев*.

7. В этой связи уместно вспомнить слова Элтона Мэйо, перефразировавшего название хорошо известной книги Тонн: «В действительности проблема заключается не в болезни стяжательского общества; она заключается в стяжательстве больного общества» (Human Problems of an Industrial Civilization. − New-York, 1933. − P. 153).

Мэйо рассматривает процесс, посредством которого богатство становится символом социального продвижения. Он считает, что это является результатом социальной аномии. Мы рассматриваем цель достижения денежного успеха, разъединенную со средствами ее достижения, в качестве одного из элементов, порождающих аномию. Полный анализ должен был бы включить в себя исследование обеих фаз этой системы взаимозависимых переменных.

9. По причинам, указанным выше, «многим», но не всем тем группам, где отсутствует интеграция. Те группы, где основное предпочтение отдается институционным средствам, т. е. где выбор альтернатив весьма ограничен, характеризуются не аномией, а ритуализмом.

10. Деньги имеют некоторые особенности, обусловливающие их особую пригодность для того, чтобы играть роль символа престижа, независимого от институционного контроля. Как подчеркивает Саммел, деньги – вещь чрезвычайно абстрактная и безличная. Как бы они ни были приобретены – в результате обмана либо институционными средствами, – их можно использовать для покупки тех же самых товаров и услуг. Анонимный характер культуры больших городов, сочетаясь с этой особенностью денег» приводит к тому, что богатство, источники которого могут быть неизвестны общине, в которой живет плутократ, служит символом общественного положения.

11. Придание богатству значения символа успеха отражается, возможно, в использовании понятия «фортуна» для обозначения богатства. В этом смысле слово стало общеупотребительным в конце XVI столетия (Спенсер и Шекспир). Подобное же использование латинского *fortuna* стало заметным в первом столетии до нашей эры. Оба эти периода были отмечены продвижением к престижу и власти «буржуазии».

17. *Lohman, J. D.* The Participant Observer in Community Studies, American Sociological Review. − 2. − 1937. − P. 890–898.

18. Имеется в виду район публичных домов, игорных притонов и т. п. – *Прим. ред.*

19. Меняющаяся в ходе истории роль этой идеологии является полезным объектом изучения. Некогда стереотип «каждый посыльный может стать президентом» более или менее согласовывался с фактами. Такого рода вертикальная мобильность была тогда, вероятно, более обычной, чем теперь, когда классовая структура стала более жесткой (см, прим. I

на С. 309.). Но и теперь эта идеология продолжает существовать, возможно, потому, что она все еще выполняет полезную роль для сохранения *status quo*. В той мере, в какой она принимается «массами», она представляет собой полезную приманку для тех, кто, если бы была отнята эта утешительная надежда, мог бы взбунтоваться против всей существующей структуры. Ныне эта идеология используется для уменьшения вероятности приспособления типа V. Короче говоря, роль этой идеи изменилась: из более или менее правильной эмпирической теоремы она превратилась в идеологию в том смысле, как ее понимает Маннгейм.

20. Имеется все больше доказательств того (хотя ни одно из них не является окончательным), что наша классовая структура становится более жесткой, а вертикальная мобильность уменьшается. Тоссиг и Джослин пришли к выводу, что руководители американского бизнеса все в большей мере рекрутируются из высших слоев общества. Линды также установили, что для представителей рабочего класса в Миддлтауне «уменьшились шансы на продвижение». Очевидно, что эти объективные изменения важны не только сами по себе; субъективная оценка ситуации лицом является главным из факторов, определяющих реакции. Пока еще трудно сказать, в какой мере классы, находящиеся в наиболее неблагоприятных условиях, осознали эти изменения в сфере социальной мобильности, однако Линды представили показательный в этом отношении материал. Пишущий эти строки считает уместным напомнить в этой связи о том, что все чаще появляются карикатуры, повествующие в трагикомическом тоне о том, что «мой старик говорит, что не каждый может быть президентом. Он говорит, что найти постоянную работу на три дня в неделю тоже неплохо» / *T a u & s i g*, F.W., *J o s 1 y n, C.S.* American Business Leaders. − New-York, 1932; *Lynd, R. S.* and *H. M* Middletown in Transition. − Ch. 12. − New-York, 1937. − P. 67 ff.

21. В этом отношении представляет значительный теоретический интерес роль негров. Некоторые элементы негритянского населения усвоили такие ценности доминирующей касты, как денежный успех и социальное выдвижение, однако они также сознают, что в настоящее время социальное продвижение для них почти полностью ограничено рамками их собственной касты. Давление, оказываемое на негров, которое в ином случае проистекало бы от упоминавшихся нами структурных несогласованностей, не является, следовательно, идентичным с тем, которое оказывается на низшие классы белого населения / *Davis, K.* Op. cit,.− P. 63; *D o 1, J*.-lard, Caste and Class in a Southern Town. − New Haven, 1936. − P.66 ff; *Young, D*. Americanan Minority Peoples. − New-York, 1932. − P. 581.

22. Психические координаты этих процессов отчасти установлены экспериментальными данными, касающимися Anspruchsniveaus [уровней намерений. – Ред.] и уровней исполнения / См. *K- L e w i n.* Vorsatz, Wille

und Bedurfnis. − Berlin, 1926; *И о р р е, N.F.* Erfolg und Misserfolg, PsycHot. Forschung. − 14. − 1930. − P. 1–63; *Frank, J.D.* Individual Differences in Certain Aspects of the Level of Aspiration, American Journal of Psychology. − 47. − 1935. − P. 119−128.

23. Стандартные учебники криминологии содержат суммированные данные по этому вопросу. Наша аналитическая схема может служить для объяснения некоторых теоретических противоречий, указанных П.А. Сорокиным. Например, «не всегда и не везде уровень преступности высок среди бедняков... во многих бедных странах уровень преступности ниже, чем в богатых странах. Экономический рост, имевший место во второй половине XIX и в начале XX столетия, не сопровождался снижением преступности» / *Sorokin, P.A*. Contemporary Sociological Theories. New-York, 1928. − P. 560–561. Решающим является, однако, то обстоятельство, что в условиях различных социальных структур бедность, как мы увидим, имеет различную социальную значимость. Следовательно, было бы неверно ожидать линейной корреляции между преступностью и бедностью.

24. *Royse. M. W.* Aerial Bombardment and the International Regulation of War. − New York, 1928.

25. Поскольку предметом нашего рассмотрения являются социально-культурные аспекты этой проблемы, психологические корреляты затронуты в статье лишь косвенно. О психологических аспектах этого процесса / *Horne, K.* The Neurotic Personality of Our Time. New-York, 1937.

26. Гоббс – английский философ (1588−1679). – *Прим. ред.*

© Жовтун Д.Т., составитель, 2010